

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОЙ ОСНОВЕ ГЛАГОЛИЦЫ

MARIAN WÓJTOWICZ

Вопрос о генезисе старославянских азбук, глаголицы и кириллицы, всегда занимал в истории славянской филологии одно из центральных мест. За последние два столетия было выдвинуто огромное число различного рода гипотез, авторы которых стремились определить в первую очередь хронологическое отношение между обеими азбуками и их структурную зависимость. При этом значительно больше внимания они уделяли глаголице, нежели кириллице. Исследователи, занимающиеся историей славянского письма, пытаясь выяснить связи глаголицы с другими графическими системами, исходили из предпосылки, что новые алфавиты, как правило, возникали на основе ранее существовавших систем письма. Так, например, финикийский алфавит стал основой греческого, греческий положил начало латинскому, латинский – современному французскому, немецкому, английскому и другим западноевропейским алфавитам. Они ставили перед собой задачу объяснить происхождение глаголицы и отдельных ее букв. Для этого обращались к самым различным алфавитам, например, греческому, еврейскому, самаритянскому, коптскому и другим системам письма. В славистике широкое распространение получила палеографическая гипотеза И. Тейлора (1881; 1883), модифицированная И.В. Ягичем (1911, с. 84-90), согласно которой глаголица выводилась из греческого минускульного письма IX в. Значительную популярность приобрела также компромиссная палеографическая гипотеза И. Вайса (1932, с. 61-102). Он считал, что одни буквы происходят из греческого курсива, другие же из восточных (семитских) алфавитов. Однако ни одна из выдвинутых гипотез не лишена недостатков и не объясняет удовлетворительно происхождения глаголицы. Поэтому они были отброшены многими авторитетными славистами. Оказалось, что глаголица не может быть полностью выведена из какой-либо другой системы письма. Тем не менее и в нынешнее время предпринимаются еще попытки объяснить глаголицу из других алфавитов (см. Кузнецов 2000, с. 111-120).

Большое значение для развития исследований в этой области имели работы Н.Н. Дурново (1929; 1931). Автор определил в них важнейшие особенности того славянского диалекта окрестностей Солуны, для которого Константин составил азбуку и который лег в основу старославянского литературного языка, а также показал возможности реконструкции первоначального состава и порядка букв древнейших славянских азбук. Некоторые идеи и предположения Н.Н. Дурново получили дальнейшее развитие в трудах Н.С.Трубецкого (1954, с. 13-42), И. Враны (1963), Ф.В. Мареша (1971), О. Неделькович (1965; 1971), В. Мошина (1973), В. Ткадлчика (1971), Б. Велчевой (1978) и других исследователей, которые внесли крупный вклад в изучение проблемы возникновения славянского письма.

Современный этап развития славистики характеризуется углубленным интересом к вопросам реконструкции, ее задачам и методам. В связи с этим существенное значение приобретает вопрос о границах реконструкции, степени ее гипотетичности и научной обоснованности. Не менее важной проблемой является использование в реконструкции глаголицы материала источников по истории славянского письма, документов и текстов, сохранившихся в славянских и неславянских рукописях, которые дошли до нас в поздних списках. Многие из них, например, древние абecedарии (преславский, мюнхенский, парижский и др.), алфавит из знаменитого трактата черноризца Храбра, алфавитные акростихи (азбучные молитвы), старославянские глаголические и кириллические надписи, требуют тщательного системного анализа, а нередко также восстановления их исходной структуры.

В настоящее время нет необходимости доказывать, что успешное изучение глаголицы зависит прежде всего от применения точных методов реконструкции. Глаголицу можно рассматривать, с одной стороны, как систему графических знаков, употреблявшихся для записи языка, который подвергался изменениям в пространстве и времени, а с другой стороны, трактовать как продукт творческого процесса широкообразованного человека, обладающего большим талантом. Такой подход создает условия для реконструкции не только состояния системы, но и определенных этапов процесса создания глаголического алфавита.

Общий характер первого славянского алфавита, его структуру и графические особенности определили три основных фактора: 1) культурная среда, в которой появилась глаголица, 2) назначение азбуки, 3) личность ее создателя. Глаголица возникла в кругу греческой культуры и средневековой христианской культуры. В этой культурной среде вырос и сформировался как в духовном, так и интеллектуальном отношении Константин. Несомненно, это был богатейший источник, из которого он черпал вдохновение. Глубокое знание греческой письменной культуры, языковой традиции и лингвистической теории, а также системы знаков и символов христианского мира позволили ему за короткий срок составить алфавит и преобразовать знакомый славянский диалект родного Солуны в книжно-литературный язык. Фонологическая система солунского диалекта, на котором основывалась первоначальная глаголица, полностью еще не исследована. Предметом обсуждения являются, например, такие вопросы, как состав и фонетическая реализация некоторых гласных и согласных фонем. Фонологическая

система этого диалекта отличалась до известной степени от той, которую мы можем восстановить на основании глаголических текстов. Древнейшие из них моложе текстов первых кирилло-мефодиевских переводов примерно на 150 лет, и к тому же под пером писцов они неоднократно подвергались различного рода изменениям.

Составление алфавита требовало определения принципов его построения, принятия основных положений и конкретного плана действий. Ясное представление об этих принципах дает сравнение внутренней структуры глаголицы с греческим алфавитом, с одной стороны, и кириллицы с глаголицей по отношению к греческому алфавиту, с другой. Для составления славянского алфавита было необходимо прежде всего установить системную основу, затем определить его графическую основу, создать новые, оригинальные буквы и, наконец, дать им названия.

За основу глаголицы был принят Константином классический греческий алфавит из 27 графических знаков, который сложился ок. IV в. до н.э. С этого времени до IX в. в греческом языке произошли значительные изменения. Изменилась функция некоторых графических знаков. Например, исчезло противопоставление по долготе/краткости гласных \omicron (омикрон) и ω (омега), гласный $\bar{\epsilon}$, передававшийся буквой η (эта) изменился в \bar{i} , а υ (ипсилон) также перешел в \bar{i} . Некоторые дифтонги подверглись монофтонгизации, напр.: $\epsilon\iota$, $\omicron\iota \geq \bar{i}$, другие же распались на два элемента, напр.: $\alpha\upsilon$, $\epsilon\upsilon$. Заметные изменения произошли в консонантной системе. Например, согласный β , обозначаемый буквой β (бета), произносился как $[w]$, согласный g , для обозначения которого служила буква γ (гамма), звучал как $[h]$ и т.д. В результате этих изменений некоторые буквы обозначали уже совсем другие звуки, чем в древнегреческом языке. В греческом алфавите каждая буква имела свое название и цифровое значение. Система цифровых значений состояла из трех групп графических знаков. Каждая группа включала в себя девять знаков. Знаки первой группы обозначали единицы, второй – десятки, а третьей – сотни. Для передачи цифры 6 употреблялся знак ζ (стигма), для обозначения 90 использовался знак ς (коппа) и для 900 – τ (сампи). В прошлом это были буквы ионийской разновидности письма, которые утратили свое звуковое значение и в состав греческого алфавита не входили. Эта графическая система представлена ниже (рис. 1).

α' – 1	ι' – 10	ρ' – 100
β' – 2	κ' – 20	σ' – 200
γ' – 3	λ' – 30	τ' – 300
δ' – 4	μ' – 40	υ' – 400
ϵ' – 5	ν' – 50	ϕ' – 500
ζ' – 6	ξ' – 60	χ' – 600
ζ' – 7	\omicron' – 70	ψ' – 700
η' – 8	π' – 80	ω' – 800
θ' – 9	ς' – 90	τ' – 900

Определению основы алфавита и ее приспособлению к славянской фонологической системе предшествовало сопоставление состава фонем в обоих языках. Оно было необходимо для выделения группы фонем, совпадающих в обеих системах, группы исключительно греческих фонем и типично славянских фонем. Сопоставление и правильная идентификация фонем не представляли для Константина особых трудностей, так как он свободно владел обоими языками. Это позволило внести изменения в основу алфавита. Задача состояла в том, чтобы оставить те места, которые должны были занять славянские буквы, обозначающие звуки „совпадающие” с греческими, устранить ненужные греческие буквы и ввести буквы для специфически славянских звуков. В структуре нового алфавита проявился греческий характер „графического мышления” (Schriftdenken) Константина, который для обозначения каждой из гласных *i*, *o* предусмотрел две буквы. Вместе с тем нельзя не отметить, что славянский алфавит был предназначен для записи литургических текстов, переведенных с греческого языка, в которых было немало слов (например, собственных имен), имеющих в своем составе звуки чуждые славянскому языку. Создатель азбуки и первый переводчик греческих текстов, естественно, хорошо понимал трудности, связанные с передачей слов иноязычного происхождения средствами славянского языка. Поэтому он включил в состав алфавита некоторые буквы для обозначения неславянских звуков. Производя модификацию и приспособляя основу алфавита, Константин старался, там где это было возможно, не разрушать греческую цифровую систему. Поскольку на начальном этапе работы над алфавитом, как можно полагать, новых графических знаков еще не было, демонстрируя изменения, которые произошли в основе алфавита до введения букв для типично славянских звуков, глаголические буквы заменим знаками латиницы (рис. 2).

a - 1	i ₂ - 10	r - 100
v - 2	k - 20	s - 200
g - 3	l - 30	t - 300
d - 4	m - 40	u - 400
e - 5	n - 50	f - 500
□ - 6	□ - 60	x - 600
z - 7	o ₁ - 70	□ - 700
i ₁ - 8	p - 80	o ₂ - 800
□ - 9	□ - 90	□ - 900

После исключения лишних знаков ζ (*стигма*), θ (*тема*), ξ (*кси*), ς (*коппа*), ψ (*пси*), ϗ (*сампи*) в основе появились пустые места. Введение букв для обозначения типично славянских звуков вызвало перемещение графических знаков в основе алфавита. Наиболее существенные изменения произошли в первой группе букв, в которой Константин решил поместить рядом буквы, обозначающие близкие по

образованию звуки: [b] перед [v], а [ž], [z] перед [z]. Изменения в первой группе стали причиной перемещения букв во второй группе. В третьей группе только буква o₂ передвинулась на одно место вверх. Направление изменений в отдельных группах обозначено стрелками. А вот основа алфавита после перемещения букв (рис. 3).

a - 1	i ₁ - 10	r - 100
□ - 2	i ₂ - 20	s - 200
v - 3	□ - 30	t - 300
g - 4	k - 40	u - 400
d - 5	l - 50	f - 500
e - 6	m - 60	x - 600
□ - 7	n - 70	o ₂ - 700
□ - 8	o ₁ - 80	□ - 800
z - 9	p - 90	□ - 900

Пустые места в основе алфавита заполнила лишь часть типично славянских букв. Остальные буквы, входящие в состав этой группы, согласно греческой традиции, заняли свои места в конце алфавита, после буквы o₂ - ω (*омега*). Сперва были размещены три буквы, обозначающие согласные (ξ - c - ε), а за ними шесть гласных. В результате этих изменений системная основа алфавита приняла следующую форму (рис. 4).

a - 1	i ₁ - 10	r - 100	ѣ
b - 2	i ₂ - 20	s - 200	ѡ
v - 3	g' - 30	t - 300	Ѣ
g - 4	k - 40	u - 400	ѣ (ä)
d - 5	l - 50	f - 500	ѡ
e - 6	m - 60	x - 600	ju (ü)
ž - 7	n - 70	o ₂ - 700	ѣ
z - 8	o ₁ - 80	š - 800	
z - 9	p - 90	c - 900	

Состав и порядок расположения букв первоначальной глаголицы были реконструированы на основе анализа материала древнейших источников по истории славянского письма. Следует отметить при этом первостепенную роль, которую сыграли здесь цифровые значения букв a - o₂ (1-700) и c (900). Вполне возможно, что буква, находящаяся между i₂ и k, которой приписано звуковое значение [g'], первоначально служила только для обозначения цифры 30. То же самое можно сказать о букве o₂, которая вначале могла иметь лишь цифровое значение (ср. КМЕ I, с. 41, 507). Цифровое значение o₂ = 700 вытекает из ее места в алфавите после буквы x. Необходимо добавить, что в древнейших глаголических рукописях, а также кириллических памятниках, списанных с глаголических

текстов, нет примеров на обозначение цифры 700 с помощью буквы *отъ* (Львов 1978, с. 13). Что касается расположения букв в конце алфавита, цифровые значения которых в древнейших источниках не указаны, то порядок *ѣ – ѿ – ји – ѳ* подтверждается азбукой из сказания черноризца Храбра „О письменах”, акростихами (Азбучной молитвой Константина Болгарского, Азь тебе припадаю, милостиве, Азь есмь Богъ и др.) и глаголической частью мюнхенского алфавитара. Буква *ѣ* находилась перед *ь*. Такой порядок этих букв отмечается еще в хорватской глаголической азбуке из Роча, ок. 1200 г. (Фучич 1982, с. 304). В обратном порядке они встречаются в поздних хорватских глаголических алфавитах XIV-XV вв. (Марти 1991, с. 139-164). Буква *ѣ* всегда занимала место после *с*. Первоначальное цифровое значение буквы *ѣ* (=800) в источниках не отмечено. Мы ее поместили на прежнем месте греческой буквы *ω* и приписали указанное цифровое значение потому, что глаголическая буква *Ш* является одним из графических вариантов буквы *omega*: *Ш – ω = 800* (ср., напр.: Гейтлер 1883, с. 114; Карский 1979, с. 165; Бешевлиев 1964, с. 27, 121, 148). В более поздний период место между буквами *o₂ = 700* и *с = 900* заняла буква *f₂* (*ф = п*). Это подтверждают записи древних славянских азбук и акростихи. В хорватской глаголице одно время на этом месте была буква *ѣ – ять* (ср. азбуку из Роча и азбуки из Ловрана, 2-я пол. XV в.), а затем буква *ѣт – ита* (ср.: стокгольмский и пражский алфавитарии, азбуку из французского города Тур (Tours) XIV/XV вв. и др.). Кроме того, цифровое значение буквы *ѣ = 800* засвидетельствовано в Врбнишском часослове 1391 г., а значение *ѣт = 800* в часослове из Омишля 1396 г. (ср.: Вайс 1932, с. 18; Трубецкой 1954, с. 21; Ткадлчик 1971, с. 363). Есть основания полагать, что буквы *ита* в первоначальной глаголице не было. Она отсутствует в перечне слов, которые невозможно точно записать с помощью греческих букв, из трактата Храбра, в парижском алфавитарии (abecedarium bulgaricum), ярославском азбучном акростихе (Азь тебе припадаю, милостиве), новгородской берестяной грамоте № 591, 1-я пол. XI в., Сборнике Клоца, Супрасльской рукописи и др. источниках. После введения этой буквы в послеморавский период в состав глаголицы она не занимала в нем постоянного места и подвергалась перемещению. В первоначальной глаголице буквы, образующие четвертую группу, по всей вероятности, цифрового значения еще не имели. Примеры использования букв для обозначения цифр 1000 – 5000 находим лишь в поздних хорватских алфавитарах, например, в азбуке из города Тур: *ѣ = 1000*, *ѣт = (2000)*, *ь = (3000)*, *е = (4000)*, *ји = 5000*, в азбуке из Бамберга, XVI в.: *ѣ = 1000*, *ѣт = 2000*, *ь = 3000*, *ѣ = 4000*, *ји = 5000* (ср. также Вайс 1932, с. 19; Мареш 1971, с. 193; Ткадлчик 1971, с. 371).

В заключение следует подчеркнуть, что хотя в области изучения древнейших славянских азбук сделано уже немало, многие важные вопросы, связанные с реконструкцией первоначальной глаголицы, нуждаются еще в разностороннем освещении.

Bibliografia

- Бешевлиев В. 1964 – В е ѣ v l i e v V., Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien, Berlin 1964.
- Вайс И. 1932 – V a j s J., Rukověť hláholské paleografie, Praha 1932.
- Велчева Б. 1978 – Которые 38 букв создал Константин Философ?, [в:] Славянские культуры и Балканы I, София 1978, с. 57-61.
- Врана И. 1963 – V r a n a J., O postanku i karakteru staroslovjenskih azbukvara i azbučnih molitava, „Filologija” 1963, 4, с. 191-204.
- Гейтлер Л. 1883 – G e i t l e r L., Die albanesischen und slavischen Schriften, Wien 1883.
- Дурново Н.Н. 1929, 1931 – Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов, „Byzantinoslavica” I, 1929, с. 48-85; Еще о происхождении славянского языка и письма (Несколько разъяснений по поводу рецензии проф. Ст. М. Кульбакина на мои „Мысли и предположения”), „Byzantinoslavica” III, 1931, с. 68-78.
- Карский Е.Ф. 1979 – Славянская кирилловская палеография, Ленинград 1928. Факсимильное издание, Москва 1979.
- КМЕ I – Кирило-Методиевска енциклопедия, т. I, А-3, София 1985.
- Кузнецов А.М. 2000 – Глаголица: между греческим и латинским, „Вопросы языкознания”, 2000, № 1, с. 111-120.
- Львов А.С. 1978 – Об омеге и глаголической букве *ѣ* ‘от?’, [в:] Восточнославянское и общее языкознание, Москва 1978, с. 7-14.
- Мареш Ф.В. 1971 – M a r e š F.V., Hlaholice na Morávě a v Čechách, „Slovo” 21, 1971, с. 133-200.
- Марти Р. 1991 – M a r t i R., Slavische Alphabete in nicht-slavischen Handschriften, [в:] Кирило-Методиевски студии, кн. 8, София 1991, с. 139-164.
- Мошин В. 1973 – M o š i n V., Još o Hrabru, slavenskim azbukama i azbučnim molitvama, „Slovo” 23, 1973, с. 5-73.
- Неделькович О. 1965, 1971 – N e d e l j k o v i ć O., Još jednom o hronološkom primatu glagoljice, „Slovo” 15-16, 1965, с. 19-58; Neke inovacije u fonološkom sistemu prvobitne glagoljice, „Slovo” 21, 1971, с. 79-93.
- Тейлор И. 1881, 1883 – T a y l o r I., Über den Ursprung des glagolitischen Alphabets, „Archiv für slavische Philologie” V, 1881, с. 191-192; The Alphabet. An account of the Origin and Development of Letters, II, London 1883, с. 201 – 207.
- Ткадлчик В. 1971 – T k a d l č i k V., Systém hláholské abecedy, [в:] Studia palaeoslovenica, Praha 1971, с. 357-377.
- Трубецкой Н.С. 1954 – Trubetzkoj N.S., Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem, Wien 1954.
- Фучич Б. 1982 – F u č i ć B., Glagoljski natpisi, Zagreb 1982.
- Ягич В.И. 1911 – Глаголическое письмо, [в:] Энциклопедия славянской филологии, вып. 3, С.-Петербург 1911.